

Чжао Цы стремительно опустил руку, которую только что хотел поднять. Его охватил невероятный стыд, щеки пылали, словно их опалили огнем. Неужели он в книге и в самом деле... неужели он был настолько странным?

Неудивительно, что его персонаж был лишь глупым пушечным мясом, призванным оттенить главного героя. Кто вообще мог полюбить такого человека?

— Сяо Цы, сосредоточься, — Пэй Минцзин заметил, что тот витает в облаках. Даже если он и понимал, что Чжао Цы пришел к нему заниматься с сомнительными намерениями, он все равно хотел, чтобы тот учился как следует, иначе парень просто завалит экзамены на уровень владения языком.

Чжао Цы, весь раскрасневшийся, беспорядочно закивал.

Пэй Минцзин бросил взгляд на его пылающее лицо, затем на одежду и замялся. Он хотел сказать ему снять куртку, но опасался, что тот снова использует это как повод завести разговор о своей так называемой «тактильной голодовке».

Пэй Минцзин нашел пульт от кондиционера, убавил температуру, положил пульт обратно и указал пальцем на задачу:

— Грамматика в этом вопросе...

Мысли Чжао Цы разлетелись в разные стороны, он тревожно теребил пальцы. Лишь когда система подтолкнула его, он, краснея, тихо и мягко произнес:

— Брат Минцзин, не злись на меня...

Сказав это, Чжао Цы поднял руку, коснулся пальцев Пэй Минцзина и, под его озадаченным взглядом, дрожа длинными ресницами и чувствуя жгучий стыд, приоткрыл губы:

— М-м.

— Брат Минцзин, так приятно.

После этих слов Чжао Цы захотел немедленно провалиться сквозь землю. Он даже не смел поднять глаз, чтобы увидеть реакцию Пэй Минцзина.

Прошло неизвестно сколько времени, прежде чем Чжао Цы, пребывавший в полном смятении, услышал спокойный голос Пэй Минцзина:

— Хочешь учиться — учись серьезно, не хочешь — уходи.

В воздухе запахло грозой. Чжао Цы затрепетал, по-прежнему не смея поднять голову, и очень тихо прошептал:

— ...Буду учиться.

Ему нужно было следовать сюжету.

По книге, после такой выходки Пэй Минцзин должен был холодно отчитать его и выгнать. Но книжный Чжао Цы был бесстыдным и упрямым: он не ушел, а просидев целый час над уроками, снова принялся за свое.

Этот час показался Чжао Цы пыткой: он не мог сосредоточиться, да и атмосфера после случившегося была далека от нормальной.

Пэй Минцзин задал ему несколько упражнений, велел выполнить их здесь же и пообещав проверить через двадцать минут.

Чжао Цы с мукой смотрел на задания. Он совершенно не понимал, как их делать. Неизвестно почему, но английский язык ему никак не давался.

В детстве, когда родители были заняты работой, его воспитывала бабушка. В ее поколении иностранным языком был русский, и Чжао Цы, слушая ее, неплохо выучил его и теперь мог свободно на нем изъясняться.

Спустя несколько минут Пэй Минцзин, который занимался своими делами, но не спускал с него глаз, нахмурился:

— Неужели ничего не получается?

Чжао Цы стало неловко, он даже не решился кивнуть.

Система: Чжао Цы видит, что гнев Пэй Минцзина утих, и его мысли снова оживились. Пусть пока он его ненавидит, неважно. Его цель проста — полностью изменить их прежние отношения.

Поэтому он указал на задачу, но не стал пододвигать тетрадь. Когда Пэй Минцзин наклонился, чтобы посмотреть, он воспользовался моментом и чмокнул его в щеку.

Чжао Цы сердце ушло в пятки. В другое время, даже если оба они мужчины, поцелуй в щеку не был чем-то из ряда вон выходящим.

Но в этой ситуации... Чжао Цы машинально посмотрел на Пэй Минцзина, ожидающего ответа, но тут же отвел взгляд, вцепившись в ручку. Указывая кончиком ручки на задачу, он прошептал:

— Вот эта...

Пэй Минцзин подождал, но, видя, что тетрадь ему не передают, был вынужден наклониться.

Внезапно Чжао Цы повернул голову и поцеловал его в щеку, а затем тут же отвернулся. Он опустил голову, но даже не глядя, чувствовал исходящее от Пэй Минцзина ледяное давление.

Хлоп! Пэй Минцзин ударил ладонью по столу.

Чжао Цы вздрогнул, его лицо залилось густой краской. Не смея поднять глаз, он слабо пролепетал:

— Брат Минцзин, прости...

Голос Пэй Минцзина был холоден, как лед:

— Раз за разом... ты вообще помнишь, что называешь меня братом?

У Чжао Цы защемило в носу. Ему ведь тоже этого не хотелось... Он начал оправдываться, как и было в книге:

— Но мы ведь не родные...

— И это дает тебе право так себя вести? — Пэй Минцзин считал это совершенно невыносимым.

Он понимал, что должен строго отчитать Чжао Цы, но, глядя на его обычно белоснежные щеки и уши, сейчас окрашенные в алый цвет, и на то, как он беспомощно сжимает тонкие бледные пальцы, не смог подобрать слов.

В конце концов Пэй Минцзин произнес:

— У меня нет к тебе подобных чувств.

Чжао Цы смотрел на кончики своих пальцев, которые сам же довел до розового цвета, и не собирался отвечать.

Система: Чжао Цы в ярости. Неужели я некрасивый?

Поскольку сюжет требовал продолжать, Чжао Цы, подавляя внутреннюю боль, проговорил:

— ...Неужели я некрасивый?

— Сяо Цы, не притворяйся дурачком, — глухо отозвался Пэй Минцзин. — Оставим все остальное, ты забыл, что мы оба мужчины?

По правде говоря, Чжао Цы был красив. Его кожа была словно свежее молоко — нежная на вид, черты лица изысканны до такой степени, что нельзя было найти ни единого изъяна. Губы, не знавшие помады, были алыми, а брови — словно нарисованными зеленой.

Слово «красивый» подходило ему куда больше, чем привычные «мужественный» или «статный».

Особенно глаза: густые длинные ресницы и радужка чистого черного цвета.

Словно у молодого олененка — ясные и чистые.

Однако разве в этом была проблема?

Чжао Цы снова замолчал, его щеки стали еще краснее, а уголки глаз увлажнились, будто он сейчас заплачет.

Увидев это, Пэй Минцзин почувствовал, как гнев испарился. Он хотел утешить его, но понял, что сейчас нельзя проявлять мягкость. Он забрал у него тетрадь и ручку, подробно расписал метод решения и решил отдать ему, чтобы тот разобрался сам.

Чжао Цы внезапно подал голос. Если бы вокруг не было так тихо, его почти не было бы слышно.

Он сказал:

— Ну и что, что мужчины? Мужчины тоже могут...

— Мужчины... они ведь тоже из воды сделаны...

— Если не веришь...

— Я... я докажу тебе?

<http://bllate.org/book/19895/1958656>